

ЦИКЛ,
КОТОРЫЙ
БЬЁТСЯ

АФАНАСИЙ
НИЧКО

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Афанасий Аркадьевич Ничко

Цикл, который бьётся

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42649770

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-532-10075-6

Аннотация

Быть подневольным не зазорно. Это предусмотрено природой мяса. Эссеистское произведение от лица поколения синглтонов на манер мемуаров о попытках контакта, восприятия и преодоления явления «дружеской зоны». Содержит нецензурную брань.

Содержание

Событие первое.	5
Событие второе.	15
Событие третье.	30
Событие четвёртое.	51
Событие пятое.	94

В оформлении обложки использовано изображение с <https://ibb.co/D7FrvVN>

Автор Афанасий Ничко.

Событие первое. Кислотный сок.

*Посвящается надежде,
скоропостижно скончавшейся от несвоевременного
благоразумия после написания этой книги.*

Обстановка не из рядовых. Для начала, правда: провинность, по которой я оказался в ней, моя сполна. Решение справедливо. Следовало держать принцип в кулаке. Извечная моя проблема – желание потешить себя через чужую боль; давить посторонний шаткий рефлекторный инструмент по невольному коллекционированию грузного восприятия острых в миру углов тем же самым. И ты не догадывался, что взамен получишь не что иное, как отражение этого? Что токсичный характер вашего контакта не разрушает цикличность, если один сбрасывает груз концентрированного раздражение на другого? Конечно, легко доказывать себе, что берёт начало стервозность с её берега, но проблема, так или иначе, остаётся за тобой (мною). Ты никак не мог догадываться. Личностный скрипт нарушается только через сбой, воссозданный извне. Но сработает такой фокус при обстоятельстве, когда вредоносный комплект предстанет перед

субъектом исправления за раз и полностью. Отдельно нагнетать по поводу многочисленных, но мелких неприятных вещей – дело другого характера. Не в то время я обнаружил это.

«Давай ты напишешь мне через год?»

В том числе, твои персональные параметры подкручены таким образом, что гнильца не выводится одним лишь аналитическим взмахом: "это мой недочёт, такие поступки недопустимы". Попадание в зону отрешённых условий (согласованных условий), с одной стороны, нарастающие мученические, с другой, расцветающие в итоге в бутон связи куда более притязательной, чем та, что была исключительно в головных представлениях. Почему, спрашивается, я имею вольность предположить последнее? Потому как это тест. С одним, в исключение, пунктом:

[моё отношение взаправду крепко?].

Разве не так?

Эта акция. Зачем ей устраивать подобное действие? Чтобы удостоверить меня, что я не прав; что зависимость от связи – это самообман. Мой персональный. Она проводит профилактику. Ежедневными оборотами в нахождении нашей обоюдной отстранённости, постепенно выводит из меня

крыюки. Рассчитывает, что выводит.

Откладывает в кладовку предположение, что она в очередной раз пожелала закончить подобного рода жгучие связи, разумеется, я не стану. Однако, мне не хочется, рассматривать его с точки зрения вероятного пути. Пускай побудет в сторонке.

Принцип моих действий ясен: исправлять себя таким образом, чтобы ей стало комфортно не просто терпеть моё участие в её жизни, но сосуществовать рядом со мной и именно по её собственному желанию.

Это трудоёмкое форматирование, причём, что свойские недочёты выznать не доставляет сложностей. В чём сложность оборота? Очевидно, в реализации. Можно сколько угодно составлять списков с характерными ошибками и дописывать к ним какие только пожелает здравый, казалось бы, ум назначения на решения. Для ступора в выведении теории на прагматическое поле также нашлось исправление. Заключается оно в контроле со стороны человеком, что будет ограничивать мои действия вне пунктов бытового расписания. Тем нелегко принять: человек, ограничивающий меня в окружении, наличествует, но чтобы я свылся с его вступлением на эту роль – ни за какие уговоры. И вот же. Казалось бы, выноси на практику и по следам полезет польза. Но опять: либо не достаёт решимости справиться с систематич-

ным контролем субъекта надзора, либо на это не хватает меня самого.

Стоит ли поддерживать лицевой контакт, если обе оболочки взбивают в себя пены токсина в объеме сходном и в подаче обвинительной? Определённо, нет. Тем не менее, вынесенный ответ дан от лица наблюдения "над" произошедших, извне. Будучи участником такой категории разыгрываний ролей почитаемого и почитателя внутри действия, впрыск гормонального аспекта, обволакивая рациональные предпочтения, вектор выбора перемежаются кардинально.

И приходится проблематичным постановить: виновен ли слабый механизм обустройства целесообразного подбора решений и жестких соблюдения их выполнения или крепкий процент жидкости с функционалом влечения к исполнению тех или прочих актов разношерстной установки.

Признаться, те причины, что привели меня к заключению в таком процессе исправления, представляются, если можно так выразиться, индивидуальным фетишем. Что я делал (или сделал)? Доносил вред созданию изумительной (с субъективной позиции) категории. Подконтролен ли был мной нацеленный ущерб? Скажу так: и да, и нет.

Порочные кадры нагого насилия от лица сторонних лю-

дей наверняка что-то то говорят. Очевидно, наверное, что большее количество времени я наблюдаю за её лицом либо на фотографиях в социальных сетях, либо в личных порозовевших образах. И если фото удерживает статичный вид и не даёт рухнуть в запечатлённое пространство по законам мироустройства, то сюжеты мыслей никак не ограничиваются. Возвращаясь к идее удовлетворения спокойствия через ментальное описание пыток над любимым человеком. Ревность – штука самостоятельная. Когда захочет, тогда проявляется. Приходится выкручиваться так, как получается. Говоря вкратце, такое дело просто приятно. Не могу знать, как это устроено, но примерное предположение всё же предложу.

Вступим в условия, где вероятность провести встречу наиболее высока, но энтузиазма женщины на встречи не возникло. Вначале наступает ощущение потерянности: словно знакомство никогда прежде не имело место быть; дружеский настрой оставлен в контексте сетевых диалогов. Вскоре подступает ряд попыток утешения. Естественно, провальных. Третьим актом выявляется смирение. Не мирное, но извращённое. На манер: "...твоя воля лобызаться с кем захочешь; не упрекаю". Четвёртый, завершающий шаг: презрение. В нём и высвобождаются похотливые мотивы. От чего тела довольствуются? Может, всё от того, что воззрения настоящей девушки портят формирование ментальной в объектив-

ную реальность. Неизвестно.

Представь, кислотная варка внутри возбуждённого, посредством влюблённости (не иначе), тела излишне долго прожигает стенки внутри пострадавшего от воображаемой романтики. Но при обыденной, и замечу, часто обыденной поддержке активности с персоной вождения, жгучесть от коктейля покрывается некой косностью. Однако, заявите телу, что шанс лишиться поддержки источника дикого, сочного своего экстаза, реален и, скорее всего, воплотим в нынешнем времени, не думай, будто не придётся ожидать реакции иной породы: в форме горячего недоумения и нестерпимого стремления вернуть положение восвояси, взбудораженные члены начнут сотрясаться. Их судорожное замешательство послужит существенным катализатором для постановления действий к исходу. В таких ситуациях никак невозможно не прожечь высвобожденными остатками творение идеальных прикрас. До тех пор, пока норма не восстановится, бурление не прекратит исторгаться; душевная конструкция дамы продолжит принимать урон на свой строй. Такой, подсознательный порыв к разрушению фигуры предвосхищаемой. Наслаждение не меньшее, чем от губных прикосновений. Что-то отдалённо похожее можно обнаружить за собой в картинных галереях, когда уже выпрямившиеся ногти обтирают Ван Гога. Не за всеми, согласен.

Начало удовлетворения от нанесения кислот на адресата влюблённости произрастает на идее мести. За тот временной отрезок процесса помешательства, не может не произойти колючего случая. Случая, что возникает с берега "прохладной" стороны как неосознанно, нецеленаправленно, так и в некоторой степени с осознанной выходкой. Стоит, однако, понимать, что из осознанного действия не всегда выходит понимание последствий. Конкретному человеку проще свыкнуться с рухнувшими на него обстоятельствами его же действий, чем выходить из них в вариант куда более приемлемый.

Кислотный сок всё же синтезируется и за счёт прочих людей и факторов, что не включены в такого рода союзы. При этом, высвобождение подобных жидкостей несомненно может вырываться на другого участника союза. И как было сказано выше, осознание исхода приходит далеко не сразу. Попытки успокоить бушующий разум (за малым исключением) не способны предотвратить выбросы отравляющего вещества.

Освободившись же от накоплений, варианты дальнейших действий разнятся: так, например, будучи заинтересованным в связях я обдумываю построение акции (см. в *Событиях третьем*), направленной на изменение эмоционального строя ментальной супруги. Она же, имея за собой хладное

отношение к моим задачам по обустройству последующих этапов союза, только лишь воспринимает свои итоги, исходящие из выброса желчи, как само собой разумеющееся...

С позиции человека незаинтересованного в обустройстве связи, вероятно, незаметно, что за выработкой тех самых кислот стоит и он сам. Тела прочего сосуда накапливают материал до очередных ссор. Справедливо заметить, что если аккумулятивные функции стоят всё же за мной, то и обязательство контролировать их лежит на мне. Но не каждый сохраняет все единицы терпения, чтобы избавить окружающего от вреда, наносимого кислотным соком. При всём при этом, и некоему человеку обязано (т.к. состоит/состоял в определённого рода дружеском союзе) учитывать правила, в числе которых выделяется пункт не вызывать желчь. Она не учитывает мои требования и требует сама. Не учитывает просьб друзей, но фанатично сорвётся в просьбе востребованных фигур, на основе чего происходит внеочередной литровый синтез кислоты.

Предписывает схожие обвинения своим некогда товарищам, когда сама поступает подобнейшим образом. И будто не заметны данной особе исходы её выбора. Словно по её установкам миробытия ложь и лёгкое, но всё равно это понятие можно именовать как предательство – всё перечисленное не ведёт к, мягко скажем, возмущению высоких степе-

ней. Будто бы в порядке вещей утверждать одно, чтобы всем своим сидячим напротив видом изъяслять, что предпочтение конкретно в твоём прошении дружеских характеристик я ни за что не стану исполнять.

Проекция кабалы в период пограничных ситуаций. Ужаса, самоуничтожения, фрустрации. То-то результатом впечатывается на отчётных карточках, будто обед на желчной жиже – обоюдная амброзия. По венозным трубам подпадает в изначальное состояние синтетической близости. И по циклу ворочаются словоформы с семантикой надобности казаться милыми и душевными. А из нитей соприкосновения густая крапивница. В течении процессирования мониторинга из моего глазного адреса, второй включенный тождественно агонизирует. Торжественно иронизирует. Рождественно оргазмирует под наплывом винных протоков и дофаминовых токов в кровеносном строю.

Конструкция терпкой дамы подобрана холерической маркой. При подобном генном параметре плотоядность – эталонная манера. Неужели это наш сродный фетиш: выщеживать из друг друга "otimismo e suficiência de vida"? Наша токсогонимая похлёбка изувечила конкретно твой, подруга, наполнитель смыслов. Только, после... После все юродьевые джанки возвратятся к персональным толкачам. По проспектам, траншеям, на вентиляторах и паровозах. По сетям ли-

ний электропередач и тем, где единственное дозволенное наслаждение прокрадывается цифрами через белки к альвеолам. Была бы скрепка размером метр шестьдесят девять, прибегнул бы к употреблению, где ты значилась бы ядровой грацией прихода, но...

Но основываясь на вышеописанных замечаниях, интересно выглядит формулировка: "опять ты нагнетаешь". Если подумать: "опять", значит, в очередной раз возникли факторы. И факторы формируются не исключительно с моего поля. Я стяживаю грязь, что выливается при нагреве нерва к противоположной стороне. Выходы открывает иной участник. Премазывание кислотой угловатых областей. Шлюзы раскрываются, и последующим шагом пробегающие тона эйфорического спазма. Соскок с биличностного дерьма противопоказан. Отказ сопутствует убиению зажаренных клеток. Глубокий заглот шипящими ртами их же порождений. Их мусора. Поры захлебнулись в продукте собственных выделений, а с ними конвульсирует выходящая из процессии купаний плоть.

Хрустящая дистрофией плоть.

Событие второе.

Глухо.

Что зависит от настроения притязательного интереса? Может ли человек внести поправки, что направятся себе в выигрыш? Довольно справедливый ряд вопросов. Но пока что ответ примет на себя последний. И ответ краток: скорее, нет.

Тепереча занырнём в них на щепку глубже. Выдавая ответ на первый вопрос из этого ряда, стоит понимать и учитывать цели практической его реализации. В рамках данного дискурса задачей стояло, до определённых событий (но развитие этого сюжета пойдёт графемами позже), перенаправить привязанность, или же чувственную нужду, заключающуюся в двустороннем наполнении себя обожанием от стороннего участника ко мне. До сих пор не выявлялись положительные сдвиги. Попади такое безрезультативное, пустое поле экспериментов в линию наблюдения любого встречного незнакомца, банально даже, но воспримет он это за чистого сорта тупизм. И этот не сдавшийся ни мне, ни второму индивиду самоосознаваемый активистский хавальник станет в своих смыслах верен. Насколько любвеобильность глушится чарующей бабезидой, настолько самооправдание ассимили-

руют несостыковки рационального в отношении к чувственному. Вскопай историческую насыпь. Сам по рассвету ввалился в таковое. Анархически подкрученный, хитровыебанный круг (сначала англичан, а потом уже полноценного общелюдского типажа) с оборудованием "мусорного" рифа и задачей бессменного, бессознательного поношения в своих, однако, жизненных ошибках Королевы. Алкашики, наркошики, любящие дети, суицидики. Шаболды над иглами волевого удовлетворения. С внутренним сторожем Аддикцэ, по долгу врубающим по установке ТЗ клапаны вожделения: к потрахушкам, к опиатам или консьюмеризму на настоящий момент (если к раннему времени гробовая пушнина не промокла от трупического гноя). Или, пусть, янки. Маскулиным обволакиванием бравых ногтевых креплений, сцепляющие британский продукт, держащий в смоченном тонусе английскую перистальтику. "Топи! На чаепитие? Живее же, ну, бостонский канал уже полнится трухой мадмуазелейской. О-хо! Ароматируете натурально, дорогуша! А мужец вас, не обессудьте, под юбочкой телодвигается, чи как?". Каким, спрашивается, методом прокатывать бунтовские волны из ротовых словоформ в действенный образ, если не соскочили даже со спроса затевать ручную эякуляцию? Потрохальных революций не предполагается. Никак.

В чем, собственно, требования? Требования юридической свободы запросто восполняются в нуждательных ячейках со-

циальных очередей, цифровых бланках или продрыгах лиловых губёх местного революционного управления. А фактическая? А что такое фактическая свобода? Вольнодеяние? Вольный выбор, как поступать? Примеры? Социальная несправедливость, месть, заказ кроссовок, подписка в инстаграме. Опустошить латок на чиновничий порог. С нашего пронырливого умишка расчехлятся густые по массе и числу выборы. За маном вольно выбирать, каким интернет- и телевизионным сервисам приобщать свою прорвавшую основание бедренную кредитно-шекельную жилку консьюмера. За маном без сторонних аналитических потуггов выбирать, какими фильтрами обкладывать ягодичную промежность в напряге, обвитую гучами в облипочку. За маном всовывать в ушные раковины записи lil rimpa, lil rumpa, lil dumpa или lil gumb-ы до тех пор, пока не откроется прореха в ряду или не забьётся ещё одним малым до этапа бесконечного. Пока постоянство внутренней среды циркулирует деньгами белых детей, смуглый глистоволосый брото обсаживает культурородные грядки.

Как следует полагать, вышеизложенной задачей не вышло положительных итогов, несмотря на потраченные средства, силы и попытки, не учитывая общее количество времени, внутри которого разыгрывался процесс претворения. Мешало, прежде всего, её недвижимое притязание к иному человеку. Который, тем не менее, в течение более, чем одного

года отказывал в праве считаться пассией для таковой дамы. Относительно пройденного, могу сказать, что либо всё это было одновременно глупо (оставлять какие-либо связи со мной, зная о моей чувственности к ней самой), но стойко и неординарно в плане явления острой влюблённости, либо подобная крепость – обыденность в любовных взаимоотношениях и, следовательно, меня будут часто подстерегать эти "случайности" на пути поиска.

Я сказал "поиска", да. Потому как во мне нет убеждённости, что удачные, для моей меры, варианты завершения "ненашенной" связи осуществляются в более-менее скором (если год можно считать таким) часу. Полагать, что последнее из заявлений "прочего человека" (такой формулировкой будет обозначен 3-й участник, что предстаёт для дамы любовным интересом больше нашего) ложно? Всего выделяю я 2 разновидности ходов:

1. Признание "прочим человеком", что соглашение его вступления вовнутрь отношений пребывало в шуточном аспекте.

2. Если бы в нём взаправду производилась претензия быть пассией, ответ имел место быть намного раньше. Из чего следует, что таковая уступка на членство в любовном союзе не может иметь под собой длительного периода, т.к. согласие

состоялось в концентрации с прочими факторами и случайностями, осадок которых не держится в мясе дольше желаемого девушкой.

Тезисы, скорее, заглаживающие битый нейрон, чем истинность, на самом-то деле. Поиски... Слоформа уже выбита на листуре? По видимости...

Излишне практиковать запасные поиски. Грузным токсинам проблематично адаптироваться, не будь избавлен покров желёз их от наростов и рвов. Число одного народа эксплуатирует учение быть простаком. Проще, чем куст гортензии. Проще ни то, что вольвокса, но эвглены. Сыскать вовне, содрать с подъездных обогревателей полярного пола субъект и демонстратировать в фотокарточных площадях, насколько перекручена жеманность в группе двух опустошённых. Мы заряжены не ароматами календулы, но дрожью от улюлюканий кайотов. Холмы сортируют облупившуюся шерстёную животину. На оборотном плане с отшкворчавшимся Ра. Триумф красного смеха. Крича в голгофу, обеспечены регалиями рваных удовлетворённых ртов. И центровые – мученическая хваль; обнажая экстерьер, возбужнувши монументальной претензией заглушения мировых отсветов в бесконечности фундаментальных рытвин. Тупиковая абстракция людской пользы. Убогие мытарственные гедонисты. Мы.

И ты.

Логическим лассо вряд ли можно подтянуть более-менее имеющий место бытийный отрезок будущности. Напротив, ожидать от сторонних поисков пользу (даже в виде смягчающих желчь диалогов) – не лучший вариант. Центровое местоположение с заблокированными сторонами есть основное состояние.

Касаемо поправок, преподношение ответа от своего лица обитает в проблематичном поле. Моими потугами было совершено некоторое, но всё же достаточное количество воздействий, безрезультативных, при всём при этом. Их структура базируется на 3-х вещах:

1. Акт.
2. Возобновление.
3. Точка сбоя.

Суть достаточности в моей усталости. Досадно, что потенциальных случаев вывернуть сложившуюся эмоциональность теперь в количестве своём меньше, чем у Солнца колец. Досадно, впрочем, по тельному строю с атрибутом упрямости нутра выжиданию к переменам отказ вручён не будет.

Подумать, зона ассимилирует тебя и выхаркивает взамен

исключительно полую трубуху. Всегда. Но в личных телах я один, и бытийная реиграбельность доступна лишь в эскапических сферах. Ведя начальный отсчёт с потребления художественных текстов, оканчивая выдачей стриминговой камере лица Гобзавра – всё из этого выдержка ментального оставления двустороннего (ментально-биологического) «я» на точке загибающегося позвоночника, припёртого в иссохшее кресло. Подготовка проскользнуть в иное пространство с закрытым от мира сознанием. Очень может быть, что ориентация, приводящая к выводу из зоны, выстроена оптимально по тем основам, что...

« – Ты сейчас наверняка задашься вопросом, мол, какого чёрта, но я хочу сказать тебе кое-что. Можешь мне не отвечать, отправить в ЧС, все что угодно. Я тут посидела, подумала и... Сильно я облажалась, да? Нет, я и так прежде это знала, но в данный момент окончательно осознала случившееся. Я хочу попросить у тебя прощение за всю паршивость, которую некогда я сказала или сделала. И это не абстрактная паршивость, просто я не хочу и не вижу смысла перечислять весь тот абсурд. Я мало говорила тебе хорошего, хотя, чёрт, ты этого всегда заслуживал. Мне хочется, чтобы ты знал: вот эта долб****а думает о тебе и хочет сказать, что ты действительно хороший человек, хороший друг, собеседник. Мне жаль, правда жаль, что я с какой-то дикой легкостью каждый раз была настроена вычеркнуть тебя из своего

дневника. Оправдываться не буду (бессмысленно, опять же таки).

Я написала тебе это не по тем причинам, что бытность у меня поехала по узде, и мне требовательно выговориться. Я только решила, что тебе об этом стоит знать.

Такие дела»
Спасибо.

« – Мне больше не писать?

– Давай ты лучше расскажешь, в чём ты облажалась. И что навалилось такого, что вынудило тебя отправить это?

– Я имею ввиду, я облажалась в том плане, что... Ты этого не заслуживал. Что я к тебе таким образом относилась. Вот...

Да чего могло случиться. Нормально всё, чудесно просто... Не знаю, я тебе потом ска.."

Вздыхнула? Передумала?

«– ...Короче говоря, я ходила к психологу..»

Остановка?

«... и мне сказали.. Мне сказали, что у меня серьёзные проблемы. И. И что мне необходим не психолог, а психотерапевт»

Подавляться уходу нельзя. Мне обязано вести поддержку.

Время спустя...

« – Женщина, вы не против, я произведу в ваш адрес немного абьюзинга? Телеса трясутся.

– Не называй меня так. И на вы. Что там, я сейчас чуток не в настроении? Не задавайся вопросом, почему. Хотя, это даже забавно.

– У меня там кураре в потрохах. Агрессия в переносе. И именно сейчас я практикую выношение матов из окон и в стены. Бытовые вещи подогрели, не суть дела. И так как инициативу в сфере "что дальше будем делать" я взял на свою голову, материал вывалиться если не в этот диалог, то в художественный кусок с задачей релакса. И ровным счётом ничего в нём нет полезного. Для тебя он окажется на ступени страшно болезненной.

– Почему ты так решил?

– Припомню, нашим беседам приоритетны формы:

а) Поношений.

б) Поношений.

в) Язвы.

Объективная характеристика. Сойдёт?

– Ага.

– Вытерпишь? Настрочил.

– Кидай»

Успокоение.

Графемный набор в заведении

Крытой тугой поверхности

Доверенность. И брызги, что

не проицаемы под сухим мешком

Непроницаемого труда.

Куда

Пришла куда?

Загремел в струпную бытовую кипу и как снадобье налаживания тонуса избрал конформированное душеизлияние,

подобно раскаявшемуся? Моим нейронам обязано заполниться знанием того, как ты скатарсировался, и буклеты осознанности пробрались в зрачок? Отбито вороньим жиром, что я хороший человек.

"Не заслужил".

*Щекотка плотна и актив
полощет рот над директивой
Некрасиво. Сот,
а вы её дождались ли?*

Три 60-ти минутных этапа после накидываешь рассказы про знакомства с альтернативно окрашенными персонажами. Экстравагантные лица. Мы канавная блядь, в асфальтовых трещинах вылепливающая экстаз искусства декаданса. В противовес. Вырабатывающая мусорный наполнитель питания из рефлексий. Где ворочается, в том числе, ваш духовный след. Я не касался твоего существа в длительности двух месяцев. Не подпал под приоритетный ассортимент и вывалился дожидаться оптимального срока. Протоязвенный джанк подманил? От чего, блять, сдалось такое пришествие? Я не блядский анальгин, чтобы меня рассасывать по экстренной потребности. Суй глаз в список контактов.

И сотовые гари поползи

За акцию – потребный паралич

Заглушка в цикле зовов теперь ты.

Давлю материю. В твой пургаторий троп аскетно крыт.

Разборный бич. Живительный отягощенный клич.

Спектр мяса разношёрстных оттенков. И каждая по ряду первая паскуда в готовности удовлетворить твоё умиротворение. Аспидские кости не свободны от аддикций по ту сторону спермовырабатывающей фермы. Нет. Нет-нет. Обрат-но в цикл выглатывать твои уродства, подавляя их в себе; вычищать горячий нерв..

Достаточным моей активности было сползти в плоскости персональных испражнений. От того, что категория эго-ас-сортимента избрана шлаковым ярлы

Как, если сахарную сажу вцеловать по вене ей

« – Если настолько требовательно, больше не напишу.

Прощай,
наверное.

Успокоение

Т... Так.

– Так резко? Почему?
Ещё неделя себя не прошла.

Если ты посчитала это претензиями, это не они.

Ничего из написанного не подразумевалось изначально, как справедливые упрёки в твой адрес. Печаталось исключительно, как избавление от напряжения. И нет, я не издевался над твоими извинениями, если так показалось. Точнее, форма желчная да, но то что ты написала в пятницу настолько же дорого, насколько сильно ценится. Такой опыт можно получить редко. Даже со стороны адресанта»

Интервал.

Мы оглядываем... Что?

Композиция, выстроенная не слишком уж и в давнем периоде, выказала на возврате собственную дееспособность. Будто это автоматизированный механизм отторжения стадии нормализы. Будто нами возложена техника отвращения при состоянии дружеского настроения. Тебе не нужен мешающий в приоритетных связях друг. Мне не нужен субъект, блокирующий воссоздание ментальной жены в материальности.

Догадываюсь, за тобой прочертилась когнитивная зарисовка, мол, моим неприятием пробойного недочёта мною же переносится токсичности продукт на внесубъектные вещи. Что в недостатке хватки заблуждение на этом поле работает по атрибутам

плацебо.

« – Настя. Черт. Не имею представление, как поступать. Хотел отложить этот разговор на другой день, но не выйдет. Не понимаю, почему мы к этому возвращаемся. Ссора-перемирие-ссора. За мной настолько много случаев переманить твою привязанность, что это уже можно считать ритуалом. Или частью симптоматики ОКР. И когда держится период перемирия, на вид он такой, не знаю, едкий. Синтетический. Я рад, очень рад, что ты захотела со мной связаться, но опять-таки, кому это на пользу?

Тебе, думаю, стало не так болезненно после того письма. Наоборот, наверняка, наоборот. Но вся эта гормональная неразбериха деструктивна. Мы больше вредим самим себе. И мое взаимодействие с тобой будет только портить твоё психическое положение. Хотя. Хотя, блять, я в то же время не настроен, чтобы за нами было расхождение. Я некогда спрашивал, но стоит еще раз: в тебе действительно есть нужда контактировать со мной, если я:

А – копролит;

Б – упитываю тебя;

В – представлюсь балластом в твоём любовном поле экспериментов...

?

Мы не такой хороший человек, чтобы тебе чахнуть во всей этой кислоте. Мы желаю тебя. Настолько, насколько невозможно свыкнуться с тем, что мне не поучаствовать для тебя в роли пассива. Более чем уверен, вся эта бряцающая канитель от того, что за мной громада понятно каких попыток, постоянно уходящих в известные щели»

Собственно, тебя ничего не обмануло. Так оно и есть, каким имеется. При всём выше заявленном, г-жа Ш, вами понято основание обвинения?

Событие третье.

Акты и потреба

Акты. За моей головой проектируется концепция. Концепция эмоционального воздействия на неё. Но как бы теория не была обоснована, это не предаёт ей привилегии на существо (примечание: акты, однако, специализируются не столько на влиянии на прочего человека, сколько на самом проявлении действия, как аспекта обогащения собственной бытийности). Необходимы методы и инструменты. И вот она узнает, что во мне жизнедеятелен навык пикантно раскладывать формы графем:

"Подчерепной мой аппарат не имеет ни процента состава фантазийного растолкования, по каким именно причинам тебе стоит вычитывать данное. Наверняка, болевой сустав надавливается притяжением предначертанности, но наверняка, библейские обороты пригодятся к эксплуатации точно не в случае конструирования знакомства с дамой. На тот счёт, если это по-настоящему преобразуется в знакомство. Иначе, ни чашки колен, ни с виду новый подоконник не сдержат толчок напряжения, выжидая отрицательный ответ или ничего. Мякотное литьё по пространству асфальта подсту-

пает.

Ближе. Достаточное количество для неловкости."

Январь 2017 года. Подобным, хоть и не полноточнопереданным постановочным актом сотворяется этап первой контактной связи. Неопределенной и никак не предвещающей того алхимического метаморфоза, во что она цепочно разовьётся по ходу нашей "дружеской" ассимиляции. Я очищался от надобности в художнице тротуаром происков схожей жадобы. Мотивация сродни переходу с морфина на "героический морфий" – одно поле пробитой головёшки. На секундный момент. Секунда и цифровое фото с чарующим изображением обдавалось сильным объёмом в сравнении с соседствующим протоком понурых овалов.

Антураж площадной местности в закате. Проталкиваю разговор с уважаемым в чём-то стариком. Китчевая внешность престарелого умника. Помнится, вербальные дыры выдавали дрыгу, но аудиорованные сведения темы не приходили в запоминание. А кто этот человек? Она его ученица или компаньон;. быть может, за ними родственное связи? Бледный соблазн и чёрно-красная оправа. Три туманных кадра дальше и объединены беседой уже мы. Сновидение спустя, и я простаиваю в центре маленькой гостиной. В доме старой женщины без самой хозяйки. Через пошарпанную оконную

раму проявляется всё та же отягощающая белизна. Девичьи пальцы, обвитые несколькими парами колец. Чёрно-красная оправа. В морфийном эфире за последующие два с чем-то года я отловлю эту фигуру около пяти раз.

Что до первой внесетековой встречи, её изначальная плановая сторона порушилась на момент наступления дня ожидания. Заранее обсуждаемая обстановка должна была обозначаться для нас на кладбищенском участке. Ты подумаешь, в моём выборе был какой-то шарм. Покойницкое спокойствие и никаких динамик урбан. Отнюдь. По мне предложение вырисовывалось таким же актом: распёртым от претензии на дикую провокацию, глуповатым и пошло-вычурным. А явился сводкой о кольцевых рефлексах пчёл, новостью о кончине неизвестного мне мальчугана, вверившего себя в «синие» сетевые розыгрыши, ностальгией о непонятном мною по описанию парняге из детских времён, получкой лёгких денег от солидного в своих хмельных щеках мужика, жившего формально в моей квартире.

И помешанностью:

« – Не люблю такое дело: ходить по вечерам. Кучно здесь. Я про людей.

– Есть такое. Ходят откуда-то. Куда-то. Всё копошатся.

Уходят по утрам на рабочий забег, возвращаясь при темноте черепа. Промежутки набивая тягучим бытом. Без фокусировки на то, чего по-настоящему им надо, а не от них. Деньги-деньги. А поживём мы потом. Попозже...

...мусор»

Подчинёнными привычкой поступями, манимый горячим языком, я провожал тебя обратно. Этот твой ход... Женщина, ты пропихнула меня в зону за две минуты одним популистским монологом вскользь. Если тебе показалось, будто за тобой наличествует шанс единожды очароваться сторонним индивидом и с концами выскоблить обо мне только кривую марку в бытности дневнике, ох, дорогая. Моя привилегия поражать девичий мир не один период. Подобное ведь не кончается, да?

После. После я вычленил из сетей заменитель клавишного инструмента, и мой новый навык обдался ахом бабезиды. Мы организовали людоманское предприятие на три часа. Готовился я изрядно: сковородочная пиццеобразная стрепня, продукты быстрой покупки, намытая для сбивки смущения от летних запахов кожа. В надежде держу, что тобою были оценены мои трепыхания. Скажу, однако, вычистить от жарева посуду для приготовлений я не успел к тому часу, как ты приступила гостить в давний тот день. Запратал я её в печку.

С чистой, как кожа, совестью приструню твоё читательское бунтовство. Как мы расстались на перекрёстке, так по возвращению я избавился от недочёта. Ювелирно. С избытком.

Поездка в прилежавший к близости город? По твоим словам, не было за нами никаких мотивов прилагаться к такому делу. Из требований интереса увидеть действия собственными белками, думаешь? Вполне возможен и такой энтузиазма предлог. Принимая ко вниманию, как я попкорном подкармливал брезжащих школяров, основание на «прокатиться», очевидно, ни в коем разе не стояло за социально-политическую активность. Тебе пока не известно, но в том дне присутствуют два эпизода...

Мы пристроились в парке в сцепке наушников. Площадка образовывала круговерт. Одна из скамей обладала над собой ещё парочкой. Они совершали губные объятия. По проводам гарнитуры заведомо нет, и ни разу не появится возможности попасть в твои думы, что жаль. Существует предположение, моё, ты не возразила бы мне, если бы я попытал подражание на твоих губах. Этого не воплотилось. Акт в действительном окружении был потрачен из-за, не знаю, конфузливости, по всей видимости. Если пуститься в глубокие домыслы, могу выдвинуть, что тебе и хотелось повторить за ними видимый акт, но никак не с моим участием. Или нет.

Два прописал? Да, позднее грандиозного приключения двумя oversocio-субъектами по поиску автовокзала, уже в дороге. Оседлали места в конце маршрутного такси, и твоя фигура поместилась напротив меня. Тонкая белая верёвка соединяла стороны сидений с обеих сторон. По мою и твою. Вспомнить проблематично, кто наперво стал подёргивать её. Единично воспроизводится кадр твоих пальцевых движений. Умилительно. Дорогая. Механика любвеобильности концентрировалась на желании лапидарного соприкосновения с поверхностью восково-девичьей кисти. Быть может, в ответ ты бы выделила мне к дневнику нежащийся автопортрет. Или нет.

Пропуск. Пункт. Октябрь. Вся оставшаяся численность летних дней не сводила нас к взаимосвязи. Персональной. Не принимая в расчёт сцену переписки с таким содержанием:

– Мне показалось, что когда ты говоришь про симпатизирующего тебе человека, разговор затрагивает меня.

– Хахах, нет. Совсем нет.

Аффективных казусов за полноценный отрезок лета более не возникало. До пришествия осени. Что началось как спор о грамматической верности в оформлении слова «на

хуй», завершилось прямым выражением любовного влечения с последующим отказом по обустройству наших возможных пассионных отношений.

Тебе было не вполне очевидно, за какой надобностью я отстранился от социальных контактов, в том числе, с тобой. Когда ты спрашивала об этом, я не смог выразить полным образом своё пояснение по причине вязкости в его убедительности. Сбиваю неразрешенность вопроса:

Предположим, ты маленькая, в размер не превышающая 15 см рыбка, хозяйство обитани которой пророщено глубоко под водной плотностью Амазонки. Я – незадачливый иска- тель новых, по меркам гормональных выбросов конкретно в своём теле, импрессий от блюдения за редкостной фауной. Пробыв на берегу реки достаточный промежуток, чтобы вся посторонняя подводная паскуда пробежала по щиколоткам и наметила мне сифилитическое будущее, в понуром исследовательском окончании теплюсь к оставленным в палатке доселе подштанникам. В моем учёном черепичном домике пока нет знания о втесавшейся в уретру ванделлии. До поры, до времени. До той поры, пока ты не распустишь шипы, закрепившись за плотские мои хрящи; пока не соберешься обсасывать кровеносные отложения, добытые методом рваных ран. Я не последователь селф-харма, инородная природа эмигранта-узурпатора не прельщает носить болевой ката-

лизатор внутри себя перманентно. Ногтвевыми щипчиками? Чем ещё, плоскогубцами? Если помимо освобождения кандиду, я был бы настроен прорубить червоточину в простате целиком с выдачей на глаз прилегающих к ней геометрических и уже видоизменённых хрящцов, то используем, да. Тактичный вариант. А так, здесь желательна обтёртая работой приёма.

Опуская метафорические выкрутасы: предпочтительным избавлением от проросшего терновника избралось отречение от тяги. Аскеза к коммуникативным приспособлениям – вот он, запрашиваемый тобою ответ.

За каким назначение текст, что выше, выложен перед монотонным белым фоном и подобной цветовой гаммы очертанием лицевых частностей? Акты, дорогая. Что имеется ввиду? Теория производства смены пристрастной формации. «Высокохудожественная» активность с задачей перебить неприятельские линии. Исполняются они перманентно.

Хронология:

Акт первый: знакомство,

Акт второй: встреча,

Акт третий: гостевание,

Акт четвёртый: поездка,

Акт пятый: отрешение (x2),

Акт шестой: ребус,

Акт седьмой: возвращение (х3),

Акт восьмой: письмо на изоленте,

Акт девятый: передача письма о «кончине»

Акт десятый: рассказ,

Акт одиннадцатый: подарок,

Акт двенадцатый:

В списке не составлена конкретика возвращения, деталей абьюзинга и проектировки твоего первого, недавнего акта. Кругозор однообъектен в контексте... текста.

Вступая в прошлогодний январь, в стагнирующей проекции развития взаимности формируется ещё один сорт взаимовлияния. Пробел. Октябрь до января, март до мая, декабрь до января до... И настоящее. Апрель. За исключением январь-апрельской протяжности, функция «прервать» воспроизводилась А., «возобновить» – не А.. Крайне, сверх меры любопытно, что станется в игрищах на потом.

Письмена, выведенные карандашом и краской принтера, прожжённые отверстия в скреплённом послании с пятнами кофе на предопределённых углах. Изолента и подъездовый заборчик. Акты обрамлялись пошлой убогостью. Декадентство подчёркивалось вне зависимости от того, вкладывал ли я необходимость видимости этого качества или нет.

Разумеется. Разумеется, дери тебя пантеон чертей, имеется какое-то «но». Фактор твоей участности. Быть точнее, безучастности. Да-да, большая выборка актов работала при условиях частичной или полной невозможности затронуть тебя. Этот просчёт и подкладывает эмоцию агрессии. В чём разница между идеей и реализацией? Идея пропускает «но»:

I

«Я пропишу нарочито обвинительную записку на три листа, обустрою ей дизайн агрессии, невротизма и оплошности разлитым горячим напитком. Но я не разолью капли по краям. Достаточно обмакнуть кисточку в чашке и поднести волосяную связку к бумаге. Сигарету я подцеплю в моменте. Нда, женщина разьётся в отраве и изначальной неспособности по назначению вырыгнуть желчинку. Прибегнуть к прибавке? Установка домысла о невыдержанном разуме. Разуме, подстегнувшим вытянуть сущее и переформироваться в трупный корпус. За целями перегонки экстракта сантиментов. Ею. Да-а, она прознает о моём исходе через подставного человека, на счету один наличествует. В один день – извещение о смерти, в другой – ожидающий у дома я. С неё справедливый пощёчный удар, с меня – разметка поцелуя в тыльную часть ладони. Через агрессию к сердобольности? Психическая поломка задастся удавленной сменой к...

НО.

Но сестра не отыщет тебя. Твоё нахождение постоянно будет вне видимости её пробега. Вне школьного поста, когда она внутри. Вне процедуры, когда прагматика подогрета. В отсутствии одного элемента. День пижам организован не в здании. Но даже предупредив тебя о важности передачи бумаг за день, ты не покинешь кровать-квартиру-подъезд. И даже, если ты согласишься забрать объект акта, я буду понапрасну ждать в прохладе двора»

II

«Ребус. Ресурс декодирования был обнаружен задолго до явления знакомства. Подготовить фотографию? Цифровое изображение местоположения найдётся на стороне, нет. Поверх шифр. Носитель семейства бумажных оставить на начальной части трафика: подзабор подъезда. Нарботка корневой актовой конституции предполагала большее реквизитное обилие. Прошло определённое время и рецепт действия чуток переменял себя. Чуть раньше, чем 5 часов утра. Инструменты собраны, одухотворённость заполнена. Наступаем. Аккуратной пешью. Начало суток и за первоэтажным окном вербальная вакханалия. Ножницы, оборот, скрепление. По дороге в комфортабельную пещеру. Состояние ожидания

выпуска дамского курса унифицированных дел.

НО.

Твой выход из квартирному убежища не осуществится по принципу паттерна: дом-школа-дом. Объект послания утилизирован. И ты подшучиваешь. Изолента всё ещё на металле. А дворники справляются с рабочим бременем».

III

«Март. Календарная мета контакта у числа начала. Выведен вопрошательный список на распечатке. Недочёт временного прихода в цифре минут сорока. Блюп: близлежаще-скамеечный. Утрированное сердце на обзеленевшей деревяшке. Спинной багаж раскрывается прерывисто. Выуживается свёрток слов. «Озвучишь резон продолжительности дружбы?». Щекотливая издёвка: «На вопросцы подобного родопроизводства ответа не выделяю». Рассыпаюсь нулевой звучностью. Молчанка, и её обоюдный растяг. Трансформация интервью в вакуум конфуза. От меня – посредственная юморезка о диалогизирующих талантах в имени «бледного» субъекта. От тебя – пустое дыхание. Голосовые поглощения. Реорганизация в поиске выгодной словоформы. «Пойдём». Парное выдвижение по потоку центральной улицы. Вакуум заволакивает метину в четыре минуты. Далее. Изуро-

дованный размер густоты нежелания быть в предложенном фрагменте. Неловкость не отодвинуть, как бывает, отстранившись от письменного диалога. Опустив крышку ноутбука. Избавив подключение от устройств и кабелей. Поочередно вырывая провод за проводом. Если перед этим над умонастроением твоим глумились. Трансцендентные геморры наших нейрогормонов. Рыхлое мясо двудольное защемлено над походкой. Парный, обувной сдвиг противоположен шагающим очертаниям. «Второй вопрос?». Повтор стыда-воплощения разложен на коже каждого из витальных отделов. «Ты озвучишь?».

Но я молчу. Чтобы попасться на разговор ты претерпела домашнюю ссору, однако, я молчал. Плакала, сидя вблизи, а я искал в сторонах, где можно оставить глаза. Не видя твоих. Тройка вопросов, написанных от тупика. Глубоко посеянная предрасположенность выразиться значила в состоянии дейюре трехступенчатый инцидент. По первому замечанию логика не воспринимает совмещение нависшего отторжения и оставление со мной дружеской цепи. Второе значит, что всякий заданный вопрос важен всегда, если он озвучен. Неважность дачи ответа касается тебя. Следующий. Третий. Бес тактно напоминать об истине повязанности. Проблема дружбы (затрагивает дальнейшее/синоним). Мне необходима перемена по вертикальной лестнице. Вопрос номер три:

«Ты когда-нибудь питала в отношении меня что-то большее, чем приятельский синапс?»

Нет. Никогда. Причина тому подобна моей. Завязь.

Как следствие, по отказу выдвигался (бы) компромисс. Дай первично-конечный поцелуй, и мы зароем коммуникацию.

На месте. У ступеней кафе. «Выпила бы сейчас». Лезть в зубы? «Я не про кофе». Нет. Паника.

Она обглодает внешние органы. Не зайдём. «Эта издёвка что ли, почему ты ничего не говоришь?»

Обойду преобразование в большую мразь.

Проступаемся.

«Либо ты скажешь, зачем мы собрались...» мерно. Пронрыливо коснись «...либо я пошла»

КОНЧАЙ С ЭТИМ!

«Так, мне достаточно»

Ментальная жена...

– ...прощайте

...распадается. Идём.

Последовательно. Преследую. Перекрёсток. Полураспад.

Догнать?

Сейчас внимательно. Никто не соскакивает единичным рывком. Единицами отщепляют куски терновника, то верно. А раз проволока пропахала длину до гортани к чреслам, терапия выделяет цепной режим.

Оправдание.

«Собственно, свидетельство паскудничества реализовано в корне солидно.

Конец como era de esperar. Подарок мук по привилегиям. Свернулись»

Уход.

«Профиль удалён»

(Изувечен помеченной вечностью)

Абстрагирование.

« – Я заметил странную вещь.. Я заметил, что человека никогда не называют Богданом просто так. Замечали, у этого всегда есть предыстория. Не бывает такого, что ты спрашиваешь, как у вас появился ребенок, и они такие: “Ну, мы на вписке поебались и родился. Как назвали?»

КОНЕЧНО ЖЕ, БОГДАН!

[Ребёнок, данный Богом]”

Нет, это скорее Денис. Богдан, это что-то... Ну, Богдан. Если Богдан, то там всегда предыстория...»

Лишь бы... не сорвись, как поступился этот...

– Чёрт, прости. Я должен был тебя остановить и что-то сказать, но что может сделать организм, видящий стены дольше, чем их отсутствие? Это ужасно: пропустить перед собой столько возможностей хоть что-то то сказать. И вначале. Изначально также было сложно: как я мог спросить об этом третьем вопросе, если первые два, которые обдумывались неделю или две, не помню точно, ты просто разъела циничным и сухим ответом? Хорошо, да, я боюсь твоего цинизма, не могу сказать что-то, что не покажется идиотским или что не будет пробито сарказмом с твоей стороны. Ты, возможно, просто недоумеваешь, возможно, целишь в мой адрес презрением.

Не знаю что это, сильный стыд; оно выжигает.

– Я до сих пор плачу. Доволен?

– Извини. Это было каким-то спонтанным, чудовищным

бредом, я не хотел над тобой издеваться, нет! Но я не знал, что могу и что нужно тебе сказать. Могло показаться, что этот "разговор" должен быть чем-то очень важным, чем-то, что объяснит, зачем мы вообще знакомы, но что можно обсудить за всего три вопроса? Хоть он и мог им быть. Я не владею правом просить тебя об этом, но из-за произошедшего, важно покончить с тупиком в обсуждении.

Давай увидимся вновь сегодня. Я заранее составлю все вопросы и буду крепко держать в руках лист перед тем, как что-то сказать. Будет очень *** занять у тебя более, чем полтора часа. Вся эта беседа уложиться в таковое время, может, даже закончиться раньше. Всего час или полтора часа. Я не посмею потратить больше.

Уверяю, вопросов не больше, чем три.

– Нет.

– Ты действительно плакала? То есть... Причины... Не знаю. На то у тебя могут быть 2 причины, по-настоящему весомая из которых только одна – грубое, гнусное издевательство. Но она ведь не должна учитываться, если ты идёшь на встречу с ****, разве нет? "Коварный план по трате времени и слёз" – нет. Будь этот грандиозный план так важен, стало бы оно извиняться?

Роскошная задумка, изумительная в простоте исполнения, да только зачем ей пользоваться ублюдку? Ему нравилось, что было прежде. Особенно, кто был в этом "прежде".

– Представь, да. Я плакала еще тогда, на лавочке. Я не машина. Во мне тоже присутствуют чувства. Как ни странно.

– Но к чему? К трате времени? Слезы из-за злости, недоумения, понимания, что тебя якобы обманули?

– Причём тут блядское время? Сука, скажи мне, причём тут это?

– При том, что нагло отнимать у тебя его на вещи, вроде тупого молчания.

– Ты предложил мне встретиться. Я согласилась. Рассчитывала, обсудим все нужное, потому что я не предпочитаю вести контакт в сети, и во внешнюю среду порядком редко выбираюсь. Меня, сука, не выпускают. По резонам моей неспособности выглотать материал половина учебника за одни сутки. Я поссорилась с матерью, и она благопристойно высказала не возвращаться обратно, в том случае если я выйду за дверь. Но я ушла. И прождала тебя полчаса на холоде, а когда ты проявился, в тебе даже не щелкнула дума о

надобности сказать «привет» и извиниться, хотя обычно извиняешься тогда, когда в этом нет никакой нужды. Твои два вопроса, три. Не знаю, сколько ты их накопил. По-твоему, я дала на них циничный, ответ. Не подумалось, что я просто не знала, как на такое отвечать, поскольку такого у меня никогда не спрашивали? Меня это поставило в тупик. На кой чёрт продавливать ягодицы и держать рот закрытым? Из меня и выпал вопрос, но ты проигнорировал меня.

Да, правда. Я тупая сука, что плачет из-за зря потраченного времени. Я почти что не человек.

– Но ты могла не приходить. Ты могла уйти, сказав, что из-за встречи у тебя будут ещё большие проблемы. Я тоже не знал, что мне ответить тебе. Те вопросы я мог бы и задать тебе в цифровом письме, но ты отказалась говорить в переписке. Вдобавок, один из вопросов я уже задавал тебе, но текстом. Ты не ответила на него, сказав, что на такое ты ответишь вживую. И ты просила меня не извиняться постоянно, за всё. И я даже объяснил, почему я опоздал. Я волновался, не мог собрать нормальную мысль, нужный вопрос, который я бы мог спросить.

– «На такие вопросы не отвечаю...»

Боже, тебе трудно разобраться в иронии? Хватит. Выво-

ды сделаны. Общение должно быть прекращено. Полагаю, ты меня поймёшь.

– Не могу, прости. Нет.

– Да. Выудишь в мире того, за кем достойно бегать. А я... Я мразь, дружок.

– Пожалуйста, скажи, зачем тебе нужно было что-то делать для меня, как ты, например, пришла на эту встречу? Не говори, что она тебе была нужна, это чушь. Ты явно не обдумываешь то, как я к тебе отношусь. Ты и так влюблена в другого человека. Может, ты хотела не поступать так же, как сделал он – не дал тебе шанса на большие отношения? Да только в чём разница? Я облажался почти единожды и ты сразу же решила, что знаться со мной больше не стоит. Если это так, то в чём разница?

Или просто скажи, зачем тебе это всё было нужно?

– Так скажем, мне осточертело. Контакт с тобой менял меня в худшую сторону, не знаю.

Я, вроде как, приебалась заслушивать бесперемнное нытьё о твоей никчемности. Я говорила тебе, что ты не ничтожество, но тебе класть ,ты продолжаешь вести себя так,не

понимая то, что все рушится

И я, разве, не имею право поступать так, как захочу я?

Ты не меняешься. В этом твоя главная проблема. Мы даже не встречаемся. Но такое ощущение, будто это так. И не стоит выбирать за меня, на что мне плевать, а на что нет.

Пожалуй всё»

Истинно полагаешь ...выблевок.

Событие четвёртое. Ментальный супруг

Анастасия?

С.– Г-жа Ш., я хочу удостовериться, вами отчётливо вняты претензии со стороны г-на Н.? На тот случай, если ваш ответ окажется отрицательным, удасужусь растолковать их по-новой:

Г-жа Ш., вам предъявляется обвинение по части организации нелегальных коммуникативных зон, покушении на чужую независимость и потакании аддикционному циклу. Вам есть, чем возразить на предложенные обвинения? Если вы не желаете ничего высказать в свою защиту, попрошу зайти в зал г-на П. Господин прокурор?

П.– Да, г-н П., как долго вы знакомы с обвиняемой?

Г-н П.– Порядочно.

С.– Можете назвать причину, по которой между вами возникло знакомство?

Г-н П.— Чувства.

С.— Вам есть, чем дополнить ответ?

Г-н П.— Нет.

С.— Пусть так. Можете объяснить, с чьей стороны проявлялись эти чувства?

Г-н П.— С моей.

С.— Что стало причиной вашей размолвки?

Г-н П.— Без комментариев.

С.— Вы испытывали в период знакомства тягу к другим девушкам?

Г-н П.— Без комментариев.

С.— Что насчёт обвиняемой? Она оказывала вам те же эмоции взамен, у вас есть ответ на это?

Г-н П.— Да.

С.– Хотите ли вы предоставить его слушанию?

Г-н П.– Нет.

С.– Хорошо, благодарю. Можете возвращаться на своё место. В зал приглашается г-н В.

Г-н В. – [тварина]

С.– Г-н В., Попрошу соблюдать правила приличия. Вы о даме говорите.

Г-н В. – Прошу простить, уважаемый.

С.– Извинения приняты. Итак, что вы можете рассказать нам по поводу г-жи Ш.?

Г-н В. – Познакомились в 13-14 лет. Не вспомню сразу так.

С.– 13 или 14?

Г-н В. – Это настолько важно?

С.– Определитесь: 13 или 14 лет вам было тогда?

Г-н В. – Пускай, 14. Да, вот так.

С.– Прошу вас помнить, за дачу ложных показаний вам будет предъявлено

ответное обвинение по части сопротивления судебному процессу. Продолжим. Что вы можете описать из того времени?

Г-н В. – Э-э. В какие-то обычные такие будни познакомились, она в качестве хобби занималась съёмкой. Себя. Потом я в шутку ей вторял: познакомился, потому что слава на неё накатила. Какой-то период контактировали..

С.– Контачили, простите?

Г-н В. – Контакт держали. Я самолично работал с монтажными программами, иногда, когда просила, мог подсобить.

С.– По факту, пожалуйста.

Г-н В. – Так задавайте нормальные вопросы.

С.– М-м, простите, что вы сказали?

Г-н В. – Неважно. Что вас конкретно интересует?

С.– Болезненные эпизоды...

Г-н В. – Чего? Куда вы там вообще смотрите?

С.– Выданные данные... Сведения. Вы так и не сказали, кем для вас являлась г-жа Ш.?

Г-н В. – Подругой. Может, больше. Надо было спрашивать.

С.– Простите?

Г-н В. – Неважно. Ещё что-нибудь?

С.– Она была для вас обузой?

Г-н В. – Почему вы спрашиваете об этом?

С.– Проблема имеет почву. Как считаете?

Г-н В. – Нет.

С.– Разве?

Г-н В. – Нет. Она не представляла из себя обузу. Ей чудилось, будто я вижу в ней балласт. Этим она и резала связность. Вырезала.

С.– Значит так! Хорошо. Спасибо.

Г-н В. – Всё, я займу обратно своё сидение, можно?

С.– Господин прокурор, у вас нет вопросов? В таком случае, да, возвращайтесь на место, благодарю вас. Приглашается г-жа Н.

Г-жа Н. –

Сенсорного при содействии придатка.

Микстура живительная подружеского гонзо-задатка.

В структуре химии бывшего цепного братко

располагаю данным замечанием:

мы составляли группу настроения

По лени или рвению в колениях

вибрацией Борея

Поступление разломанного времени

отчаливай. Отчаиваться нет у женщины

прерогативы в племени.

Что крепкое сгибается с кореньями,

то никогда и не являлось кременем.

С.– Г-жа Н, подсудимая утверждает, что она видела в вас единственную подругу, однако от вашего отношения она

ожидала отсутствие, цитата: "скотского поведения". Что скажете на это?

Г-жа Н. –

*Испаренное видение ещё не полная рисовка миробъития. *
Хотите или не хотите, извека делает вам сопли обвини-
тель

личных черепов.

Субъект здоровый – не раскопщик лити

Я стандартный зритель

ололо.

С.– Без острот, пожалуйста. Не давите на подсудимую.

Г-жа Н. –

Любезный мой,

извините.

С.– Извинения приняты. Господин прокурор? Г-н прокурор, где ваш подзащитный, мать бы его подрал?

«Зал: Господин судья, вокабуляр!»

П.– Его местоположение мне не известно, г-н судья. Есть вероятное предположение, что убили его под литровым бер-

гамотом от недостатка поощрения со стороны подсудимой. Доказательств, пока нет, кроме ведровой горстки пакетиков марки Greenfield. Тем не менее, некоторые сведения он успел дать слушанию перед скорым исчезновением. Поисковая группа работает над этим недочётом.

С.– Хорошо, зачитаете позже. Ваше слово?

П.– Да.

Цитата:

«Ты унеслась в краснушчатый Вифлеем.

Под предлогом семя избавить.

Чего стал ради на самотёке

метаморфоз

в социальную впадину?

По росту своих угловатых глазниц

Я тягаю фрагменты бытнички

твоей,

облепившейся по web-ситцу.

*То-то Орфей стигмою вбил в мое мясо притно насыт-
ный гноей.*

Лоб распуцу в постороннюю парадигму

Картинок. И краска фильтрей

Обволакивает не столько ртину,

Сколько жорность мозгливых червей.

Справедливо»

Конец цитаты.

С.– Есть, чем дополнить?

П.–

По выдержке висящего в атмосфере горячего

Случаи лучше разбирать в гуще

В приятельской, где друг друга мучает

Не получка. Сдача повтора нущее.

Как и на эти слушания.

Тот, кто пропал, имитирует линию,

Увиденную ранее

дамой и им в программе

антиутопии.

Проникновение разбитым концом

Рваный порвати, не проявленный отцом

Видовая стадия обрыдная:

сом.

Фигурантом не прописанный в судебной mine. И я

Представляюсь конкретным исправительским эсильцом

В доме конфликтных методологий.

На пороге открытия контакта язвительных и убогих.

*Зачехляйте варенье, актов растворённых в сосуде
рога
(барана).*

С.– Сторона обвинения третирует сама себя. Почему нет?
Слово защиты.

А. – Мм? Уже? Благодарствую, наконец-то [не переживай, материал солидный; как твой адвокат говорю, уйдешь, и по закону дурило, минимум, за прочтение статуса достаточно к себе накинёт в циферки срока]

А. –

*Дело сродно охоте на мёртвого борова.
За следом пробег кольцевой,
Скользнул, распластался в ров. А
Раскопан кистью зависящего самого.
Канавка комфортна.
Обида наслаивается на шумиху,
притворённую от неотставного вывиха.
Акт: от инфантильного потроха.
Возобновление: процесс желеобразной воли.
Сбой: освещение отупелого поля
посредине не проникнутого морока.*

С.— Излагаете, г-н адвокат, мол, потерпевший сам отправился на болевой растяг? Любопытное обстоятельство. Запишите. Дальше?

А. —

Расхождение не в числе «один».

Разлом спирали в отсчёте не польй.

*Уподобить уплетению топливных турбин,
как анусный галоп к отвращению полом.*

Отточенная выписка подменных носов.

Сингапурский кураж не делит учёт.

Синглтон норовит к перекрутке полюсов.

Учётный дневник забивает недочёт

*На пространстве площадки есть игрища,
городской товарняк и спиртная пища.*

*В концентрации отрыва ностальгия лишняя,
(парняга)*

Единая раса горюющих sazzo.

Поллюция правой занятой абстракции.

Раздвигаемый простором закатный король

Выдержкой сечёт:

«К дистрофу тяги ноль».

С.— Ага, да. Да, благодарю вас, г-н адвокат. Слово, значит, предоставляется г-же Ш. Рассказывайте всё, что запом-

нили. Касаемо вашего дела. Можете полно.

Г-жа Ш. – Помню, прогуливались по парку с оставшимися после девятого [класса] друзьями. Семеро нас всего было. Навстречу ребята [шли] из параллельного. Спросили, есть лишнее пиво? Мы отнекивались, они подумали...

«Зал [шебуршась]: а это разве, она же...»

С.– Тих. тих, тихо. Удерживаем спокойствие, господа, дамы, [г-н прокурор, а разве подсудимая не выдавала справку о **выпускном** времяпрепровождении месяцев, этак, много назад?]

П.– [Ну как бы и да, остановить её?]

С.– [Да-а, всё-таки нет, дадим рассказать; есть, кто с материалом не ознакомился.]

Г-жа Ш.–...что обманываем. Начали окружать. Рюкзаки лапали. Карманы [на них]. Смеялись. Видно, с утра праздновали. «Антон», мой хороший друг, стал кричать на них. Огрызаться, мол, пусть идут у бездомных клянуть. Мы сами выпивку еле как достали. Потом кто-то из них [почему-то] разбежался. Я не поняла сначала, зачем. Он [приблизился] к Антону. Те другие руки тянули, остановить хоте-

ли... [Подбежав] он прыгнул на «Антон». В руке что-то держал, кажется. Что-то яркое. Гладкое. А затем... Звук стекла, [скользящего] будто по набитой голове. И [услышала] как текло что-то. Рассыпалось. И подруга визжала.

Все гнались по разным сторонам. «Антон» повалили, стали бить в живот. Мне так показалось. Кто-то из друзей оттаскивал от него этих, но и таких били. Я не понимала, это шутка, кошмар или я действительно здесь и всё по-настоящему происходит. Стояла оглушённая. Не кричала, не дрожала. Только смотрела. Слушала: чьё-то ребро проломилось, чьё-то бедро прорвали куском [разбитой] бутылки, кто-то свалил на асфальт щеку. Шмяк. Лежит и подтягивает глаза ко мне. Ухмыляется. А затем...

С.– [А, знаешь...]

Г-жа Ш.–...затем, аплодисменты. Те, кто напал, кто лежал, поднимались. Крепко хлопали. Размахивали ладонями. Пожимали руки. Обнимались. Я всё ещё ничего не понимала, остолбенела, на перемирие тарашась. «Антон» объяснил мне, это всего-то был розыгрыш для девчонок. Не бескорыстный: парни хотели узнать, кто за кого тревожиться станет больше. В панике окликать. А значит, кто кому сильнее импонирует. Все равно, звуки ударов-то я хорошо слышала! Или нет, стоп? Может, последствие шока. Слышала,

что напредставляла. А капли? Разумеется...

«Зал [барагозя шорохом]: нет, но художественный же...»

С.– Но-но! Господа, дамы. Дождитесь конца слушаний, обсуждения за козинаками будет организовано в буфере после 18:35. А сейчас, подсудимая напрягается. Напряжена! Дальше, дорогая. Продолжаем.

Г-жа Ш. – Разумеется, обсудила с «Антоном». Мы решили, [что] на меня галлюцинации свалились. Либо из-за опьянения, либо перегрева головы (всё-таки, лето). Либо всего вместе.

С.– [Г-н прокурор?]

П.– [(выходя из полудрёма) М-м-га, закончилось?]

С.– [Вы спите?]

П.– [(сонливо) А-ам, нет. Нет, само собой, нет. Чего, вы как такое предположили...]

С.– [На меня глаза!]

П.– [Всё-всё, не спим мы, сторона обвинения, трезвы, не давите, товарищ, не надобно, ага,]

С.– [Так. Чего с потерпев... эй-эй, голову-голоову!]

П.– [(засыпая) Лоб на месте, товарищ, центровка. Мы юрист-профессионал, работаем...]

С.– [Надмозг. (звонит, прячась под стол) Алиса Степановна? День добрый. Он самый. Да, я. Пометочку выведите, чтобы в дальнейшие разы мы не подбирали практикантов-второкурсников... Да, и даже за предоплату. Нет, Олегу Петровичу мы передадим, что нахер располагается не в нашей юрисдикции и пусть он его ищет где-нибудь на стороне... Нет. Нет, на респектабельность его университета я никросилаловый болторез клал. Меня понятно? До связи. Де-де-де, держусь. А ещё. Потерпевший скоро явиться? Чего? Потер... Оло? Алиса?]

П.– [КА-ХЭ-М! (кашлянул) Г-н судья, неловко, знаете, спрашивать, кому вы там держитесь?]

С.– [(поднимаясь в кресло) Минус к резюме. Школяр.]

П.– [(всполохнут) А-а, к.. как это, момент...!]

С.– [Параграф 394. Пункт 18: «Каждый проходящий практику юрист имеет обязательство...»

Как минимум, не два.]

П.– [Связано-то оно как?]

С.– [Г-н прокурор, именно. Задаёте правильное замечание. В делах такого толка противоречиями прикрыты те вещи, в том числе, что умом первоначально казались ни на каплю не хитр*вы*б*нн*ми. Никак (отвечая на вопрос). Ещё минус? Почему нет!]

Г-жа Ш. –...Сценки репетировали, красили стены в спортивном зале. Остальные школы, наверное, также подготавливались [к **Выпускному**]. Не уверена, на самом деле. День перед праздником заваленный был. Оставалось достать наряды для выступления. Реквизит разный. Хорошо, на это ушло буквально пару часов. И что не я этим занималась. Вышла из школы тоже с «Антоном». Говорил, у него есть что выпить. Я не стала отказываться. Серьёзно, зачем?

Говоря о вечере. Славно вышло, если, конечно, не касаться этого пошлого пранка с мордобоем. Мы пели, что могли. Единственно нас, похоже, невозможно было слышать умершим, да цветам. Паршиво получалось. Не всегда потому, что не помним слов. Пьяные рты. Чего от нас таких ожи-

дать?

С.– [С потерпевшим что?]

П.– [В больнице. Перелом ступней. Выбежал на дорогу, машина на него по правой и в бок. Да, вот, цитата: «Рана открытая была. Точнее, открытые. На обеих выпячивало по кости из голени. Ступни, как видно, сдавлены. Скривлённые, продранные лопатки без остатка ногтей за место них.

Обуза, возможно, но мне это положение раньше не мешало вовсе...»]

С.– [У вас на курсах, чего, отрабатывается момент формирования сотряса через платоний бюст?]

П.– [А?]

С.– [Вы, г-н прокурор, конечно, достойный специалист по делу с показаниями, спорить нет резона, но.. Это рассказа сюжет. Давайте чутка опустимся в мыслепроцесс, как считаете? Ага, да, класть я возжелал на то, что вы считаете: нули, коров, Бетельгейзе в Венере. Такой вам, значит, вопрос..]

П.– [С подковыркой?]

С.– [Как без этого, дорогой друг, как без этого? Принципиальная разница между прозаической фабулой и действительностью определяется в какой такой маленькой штучке?]

П.– [М? (по-настоящему не выкупая)]

С.– [(Вздыхает через «а») Ай, бажэ..

Не сбивало потерпевшего ничего, друг мой, ну. Не считая налёта дурошлепской вынужденной защиты в лице недоученного. Подсудимая сейчас свой как раз текст и воспроизводит нам. Вы кусок речи с его профиля выудили, или как?]

П.– [Оттуда, правильно.]

С.– [Ох-х (вдохнул). Ничего не исправить, Господь. Сноси их...]

И вы, чего, художественный текст взять хотели, как показания потерпевшего? Это ваше задокументированное доказательство, честно, да?]

П.– [Почему бы...]

С.– [Так, мне хватит. Я в избытке того, что батрачу в заве-

домо несуществующем процессе, ещё и описанным в собственных дубино-стоеросовых задачах спермотоксикозным синглтоном. Любовничек, мать его.]

Г-жа Ш. – Пили, что найти удавалось. Ни в одном из ларьков нам не продали даже такой бурды, третий глаз от которой отдельным организмом вырастает. Кто-то выторговывал у отца водку взамен на половину зарплаты с летней работы. Кто-то приобщал для компании дедовскую настойку. Кто-то спрятанное под кроватью матери белое (скорее, жёлтое) вино. Тухлое такое же, как наши пения. В желудке моём до сих пор буря не надумает скончаться.

Пока часть компании уходила за добавкой, часть дожидалась на скамейках. Мы не смели уходить. Во-первых: никто не будет заниматься нашими поисками, пропьют собранное, пойдут дальше. Во-вторых: сами нигде мы выпивки не достанем. А продолжать веселиться требовалось очень. Так и остались: я с «Антоном», какой-то парень из параллельного, визгливая подруга.

Мне было очень хорошо, правда. За год каждодневных подготовок, груды исписанных тестов, которые днём придётся разбивать по мусорным пакетам; за год еженедельных покатушек по стервозным репетиторам, тот день для меня был отдушиной. Не хотела я думать ни о поступлении в ВУЗ, ни о том, как буду перед матерью выгораживаться за то, что пришла после восхода следующего дня, что я недавно куплен-

ные ею туфли сломала и на платье две прожжённые дыры объявились. Не мной, конечно. «Антоном». Но не буду же я своего дружочка подставлять. И не поверят мне.

П.— [Денег, так как, ждать, не?]

Мы сидели достаточно близко. Даже не на расстоянии размера моей ступни. Упитые детины. Я вглядывалась в его пересохшие губы, а он ко мне совершенно не поворачивался. Держал голову прямо. Прямо, как позволял вестибуляр. Натянул взгляд куда-то вверх. [Небо] медленно светалось. Дурáбес. Я плюхнулась виском на его ногу. Вообще, целилась я в плечо, но пусть и так. Рюкзак задрожал. Телефон! Думала, мать заботой прихватило. На радость, всего-то забыла снять лишний будильник. Как поведали мне часы, было 4 утра.

Ребята, те, что вокруг нас по парковым аллеям перешагивались, махнули куда-то моментально. На фоне машина, по звукам, собаку дохлую передавила. Посмотреть ушли, должно быть.

4 утра. Плюшевое небо оттенка «сырое мясо». Мои перекрашенные в бензиновые тона волосы покрывают любимые коленки. Помощник невидимый, наверное, в меня цистернами упоение тонкой трубочкой сцеживал. Никогда, кроме как в тех часах я не питала надежды быть способной обходиться в буднях без хронической горечи. Понапрасну.

Мне «Антон» сказал, в парке кто-то ещё находился. Парень какой-то. Увидел нас, с размахом бросил в фонарь телефон. Сразу же обернулся, пошёл обратно к выходу. Наотмечался, видно.

Кретин.

[А-а, как бы; (вопросительно вздыхает звуком «а») я так и не пойму, г-н, прокурор, этот дураколо волосно-бензиновый соображает, «Антон» – это фигура художественная?]

П.– [Опарышного субъекта?]

С.– [Ну-ну, помним же – вокабуляр, г-н прокурор.]

П.– [Извинение выражаю, г-н судья.]

С.– [Нейтралитета точка принимает ваше понимание, ... а впрочем, как без этого ... его самого; характеристика достаточно полная в адрес такого векторного действия, как хищение ментальной жены.]

П.– [О том и речь.]

Г-жа Ш.. – ... Он на ветеринара хочет поступать. Я на пси-

хотерапевта. С баллами [Единого Государственного Экзамена] у нас порядок. Не зря ведь рожа...

С.– Глубоко слушание благодарит вас, дорогая, за такое объёмное повествование, достаточно и сказанного. В качестве эксперта вызывается доцент кафедры психологии взаимоотношений Степан Аристархович Молочкин. Попросим.

[Входит Молочкин и два работника суда]

Работник первый.– ...микрофон, постойте, микрофон не готов.

Мол.– А, да? Ну-ну, От ремня руки убери!

Работник второй.– Устройство крепится к нижней части спины.

Мол.– Да что ты!? И как это должно придавать ему дозволение мои ягодички, как французские пирожки взбивать?

Работник второй.– Держите свои капризы на своей стороне, сможете?

Мол.– Охо! Теперича, значца, если сохранять независимость дыр от негласного вторжения мужицких, это, того са-

мого... то мы в «капризничать» впадаю, так получается!

Работник первый.— Всё, можете начинать говорить.

Мол.— Разумеется, всё. Ещё бы ты задержался на моих бёдрах на всё слушание.

Работник второй.— Истеричкой не показывайтесь.

Мол.— Чего сказал?

С.— Благодарю, можете идти.

[Работники уходят]

Мол.— [Школяры]

С.— Степан Аристархович, в своём письме вы выразились, будто к этому делу вам есть, что выдать нам.

Мол.— Верно, так и есть.

С.— Хорошо, приступайте.

Мол.— Для начала (читая с записки), я бы, значца, выразил благодарность за позволение участвовать в данном процес-

се. Мне, как работнику сферы социальной активности, это очень, так это, льстит. Да.

Мои работы уже, знаете, не один год таскаются по конференциям то к одной, то в другие. И все они касаются, это, пробле... проблематики, ага, дружеских зон, какую мы наблюдаем и в этом деле. Обидно, правда, что самого потерпевшего мы не можем наблюдать сегодня, но это не столь важно. Важно учесть обстоятельство самого, таки, прецедент.

С.– К сути поближе бы...

Мол.– Да-да-да. Приставить «зону дружбы» в ряд к модернистской рамке – это не совсем то обстоятельное дело, на которое бы располагал свою светлую голову психолог натуры, как бы, уважаемой. Нет, встретить цепочку «я хочу, чтобы ты остался – я отталкиваю тебя – вернись» возможность была и в периоды, значца, даже эллинские, однако...

[подкладывает бумажку на нижний конец преддверия ротовой полости]

С.– Это что?

Мол.– Простите?

С.– Вы чем-то вбросили на уздечку языка.

Мол.– А! Ничего противоправного. Аскорбинка.

Настрой подходящий под обозримое место категорически ставит в сомнение обстоятельство...

У вас есть заметки об активности потерпевшего? Кстати, он, как, явиться?

С.– Дайте ему. Нет, по всей видимости.

Мол.– Да-а, прекрасно. М-мм. Ууух. Оу-у. «Внеплановая проверка электричества»? Смело.

С.– Степан Аристархович!?

Мол.– Так вот. О чём, то бишь, я?

С.– Вы пока ещё не выдали слушанию ничего, что дало бы процессу какой-нибудь сдвиг.

Мол.– Ага. Да? Ну «пока», это извечно «пока». Надо бы и исправиться.

С.– Так вот хотелось бы.

Мол.— Изучив зафиксированные данные о деятельности г-на потерпевшего в отношении подсудимой, на вывод рвутся некоторое число аппетитных умозаключений

С.— [Да надо же.]

Мол.— Да, г-н судья. Недоверие ваше поймано. И его перекрутка обосновывается вот

чем:

**(Дыхание
смешанного
кокаина в хлорке)**

«...таятся в присущих им лишь средах. Тишина по всем краям. О звуках жизни в уютившихся напоминает только возня: с учебниками, препаратами, с канцелярией, с...»

(Лаймы.)

«И только поддержание вышеизложенных состояний не даёт вероятность ссоре уползти на ступени куда более вредные для тонкого душевного строя, чем перепалка языками.

Казалось бы, укрываться друг от друга в прямоугольных пространствах, отделённых исключительно...»

С.– Степан Аристархович?

Мол.– «...затея не из разумных. Конфликт распухнет и вновь. Разве диалог не вытащит изнутри на стол рьяные претензии, не отбросит почву розни из утомлённых от неё телес? Возражу. Из бесед не извлекается исход, в котором персональная конструкция подменяется чертами, диктующимися и требуемые одним. Глупости. Либо принятие, либо раздор.

И отстранение – одно из подходящих решений. Одновременно с побегом от взаимодействия, раздумки о последнем прилежно теплятся, предлагая двум из сторон персональный лист оправданий. Кто уж при характерных этим атрибутом головах станется энтузиастом перемены? Действительно. Малая доля»

С.– [Разве это его текст?]

(постукивая молоточком по правому берду)

Мол.– «Одинокость... никак не пагубно. Скорее, даже доставляет значительное количество плодов, чем представля-

ется не участвующему. Эта...» пара «...например. Что выходит из их контактов? Ссоры, распри, причитания? Пускай надуманные. Экссесс имеет место существа. А что даёт отрешённость? Спектр противоположных явлений. Плохих? Никак нет. Доносящий боль? Наверяд ли»

С.– [Где он нашёл текст?]

Мол.– «помните меня»

«Зал [пульсируя трахеями]: пустынные производные Невады...»

Мол.– «...Но как кого? Как персону, что способна из одного в другие дни возвращаться и стараться выдавать себя в роли продуктивного ресурса? Персону, что сопоставима частотой проявления с панихдными настроениями соседствующих в маршрутках рыл? За исключением единственного факта: от мимик не перепадает в рот гниlostный скрежет зуба.

Индивиду таковой мысли желается не быть полезным, но являться необходимым. Исходя из уже прагматических действий, вышедших в мир под активностью прокисшего разума, в абстрактную зону данной логики, можно судить о нескольких вариантах истоков...»

С.– Господин Молочкин, откуда вы взяли этот текст!?
(вытирая пот с щёк)

Мол.– «Тревога перед одиночеством...»

«...Если хочется компанейских вечеров, не усаживайте рефлекс озлобленности от своего лика в тех компаниях»

С.– [Из каких принародных щелей Алиса Степановна выудила его?]

Мол.– «Мы пришельцы бездны. Она хозяйка и наше уродённое гнездилище. Возражать основанию над личинами в нас, как её собственности? Нет-нет. Мы вернёмся. Откуда нас низвергли. Из мученического сада кож. Возвратимся. Но если "жить" в закатный срок – зудящая надобность, не ожидайте, что её выполнение (и с прытью) претворит кто ещё.

С.– Господин Молочкин?

(постукивая правой ступней)

Мол.– «Она не перепадает на прочий народ, а как следствие, народ не производит её подетально. Если вам почудилось, будто обязательство растягивать вашу жизнь было ещё за кем-то, то нет. Мы все по своему страдаем внутри себя и

без кого-либо. Обездоленные в радостях...»

С.– Господин...

Мол.– «Сторонние люди не клялись в обеспечении вашего спроса на удобства бытности...»

С.– Госпо...

Мол.– «Сдерживайте его уж своими...

С.– [...потерпевший?]

Минуту...»

С.– АМБРАЗУРА, ОТРЕЗВЕЙ!

(выплёвывая верхние дёсны через судейский стол)

Мол.– Рухнуло?

Зал [вытекает сквозь отверстия в сиденьях]

Мол.– **Значит, так?**

П.– [Carpe diem]

С.– (прокурору) А-а?

Мол.– (хлопок ладоней!) Так это, чего поступим..

С.– Фево? Хле люли, сколина? Налелал фево, шаллалан?

Мол.– Не столько важно, что вышло, как то, что будет видно дальше.

С.– ЛЮЛЕЙ ВЕЛНИ!

П.– Г-н судья просит вернуть людей.

С.– (паникёрно потаскивает прокурора) А-А-ВЛЯ!

Мол.– (вытаскивая из портфеля потрескавшуюся кассету) ...это не выдаст особого сдвига зашедшему в никуда процессу, но... (засовывая её в судейскую видеодвойку) вы тут все осмыслите напоследок: исчез человек, когда и откуда точно, знает никто, а телодвижений никаких не проявляется.

ЗАПИСЬ...

Дата неизвестна. 00:37.

Субъект 1. – Где его лучше искать?

«Антон» – (привязанный к офисному креслу, глаза набиты фонарями, отёк щек, губ, шрамирована переносица) Почему меня-то вы «опрашиваете»? Мы по существу и не приятели.

Субъект 2. – Слушай, он, походу, точно не имеет представление.

Субъект 1. – Есть подозрение, пиздёжь это.

Субъект 2. – А что, если нет? В таком случае, мы украли без пользы одного тупня, чтобы отыскать второго тупня. Он же нас отыщет потом.

Субъект 1. – Откуда думаешь?

Субъект 2. – Оттуда, что наш всеми уважаемый доцент припёр его не куда-нибудь, а в...

(отошли подальше)... а в институт. На кой хер сюда, в единственное для города место, где до сих пор камеры не все переломали, и то, потому что, они внутри аудиторий. Не переносу чад. Мало того, что выныривают с вовлечёнными ёблами, когда и где им быть ну никак не надо, так ещё и со-

знательные. Как здесь.

Субъект 1. – Чего ты истеришь? Он сотрёт материалы, нормально будет.

Субъект 2. – Ну, посмотрим.

(в кадре возникает третий субъект)

Субъект 2. – Ты сюда за кой притащился?

Субъект 3. – Подсобить. Да и из интереса, звука на камерах-то нет: как, вызнали?

Субъект 1. – Мы же согласовали, он разбалтывает, показываем ладонь, если долго ломается, кулак и предприятие мы сворачиваем.

Субъект 3. – И что, вообще ничего?

Субъект 1. – Ну, если учесть, что на неопределённое время мы имеем помятый провинциальный хер...

Субъект 3. – Чем обрабатывали?

Субъект 1. – Ты дебила нарочно играешь? Не мы наблюдателями вызвались.

Субъект 3. – Шутка юмора? Камеры сейчас приостановлены, а вот запись вашего прихода...

Субъект 1. – Ты к чему об этом говорить начал?

Субъект 3. – Ты глазок вешай на моём настроении. Или во владениях будешь иметь не 20 девственниц, а сосуд параша. Так какие инструменты, способы? Здесь темень, я в вашу камеру и не вглядывался так, как бы, чтобы капитально.

Субъект 1. – По установленному списку: крапивница, пазильник, жгут на шею, пиявки к щиколоткам, паху, вискам и векам, электрические удары, молоток для отбивки ветчины по бёдрам и той же простате.

Субъект 3. – Что еще?

Субъект 2. – Ушные пробки из кольчатых червей.

Субъект 3. – И как они такие нам помогут?

Субъект 1. – Мы их обмокаем в воске и покрываем серебряной стружкой. Они не мертвы. Окончательно нет. Витальные процессы в них ещё активно плющатся.

Субъект 3. – Это же не всё, чем воспользоваться можно?

Субъект 2. – [Бритни?]

Субъект 3. – Чего бубенишь?

Субъект 1. – Есть ещё Бритни на цепи.

Субъект 3. – Бритни? Чего это такое?

Субъект 1. – Кокаинетка из Таллахасси.

Субъект 2. – Мексикашка-знакомец переправляет таких за один сезон.

Субъект 1. – Пожаловал за бесценок. «Un regalo por servicios a la Patria» – как объяснился.

Субъект 2. – Перед его «la Patria».

(оба субъекта начинают смеяться, голос третьего их оставливает)

Субъект 3. – Баба, что ли? Вы чего, други, бабу похитили? Ну не вы, но всё равно. И зачем? Чтобы потом ею пытаться других, но похищенных мужиков. Нормально, нет? И как? Она будет натирать его штанцы, пока уретра не порвётся от

напряга? Какой функционал-то?

Субъект 1. – Направляется стулом. Отстегиваем, вытаскиваем шок-выстрелом и она выпадает на четвереньки.

Субъект 2. – Пододвигается до объекта в течение получаса, хоть держится в полуметре, но..

Субъект 1. – Достигая, к началу располагается по положению к бедрам, разлагаясь до состояния слизи. Ещё 15 минут лезет по брюху в ротовую полость. Спуск тянется к нижней части живота, растряхивая перистальтику.

Субъект 2. – Потугом утилизированной косметики, пигментной химии, фосфорного губного покрова и кожи в лучевом диагнозе, раскорябывает слюной по половине дороги дыру в прорезь пупка, начинающуюся ещё в тонкой кишке. Вылезает полноценным женским туловищем из сквозной прорехи, всасывая в губном обхвате язык и сращивая его со своим.

Субъект 1. – Симбиоз занимает 12 часов, пока половинчатый корпус не истлевет в ветошь. До язычной миндалины. Разрезается по двум концам, правда возможность разговаривать у парня останется только пальцами.

Субъект 2. – Одноразовая.

Субъект 3. – пизд...

Субъект 2. – (перебивая) Ещё грызуны есть.

Субъект 3. – (чуть ошеломлённый) Крысы?

Субъект 2. – Да, они. Обычные такие, домашние. Только закаченные милдронатом.

Субъект 3. – С ними как?

Субъект 2. – По-простецки: сначала садим в шкаф парня, после вкидываем во внутрь тварей. Перекрываем дверцу и ждем.

Субъект 3. – Чего?

Субъект 1. – Болезненных криков, мольбы. Может, взблещет, что от него ожидается.

Субъект 3. – Это сойдёт... с языком он, как бы, больше согдится. Сломается, думаете? С крысами-то.

Субъект 2. – Как сказать. Заправскому механику, как его

там звать...

Субъект 1. – Алёша?

Субъект 2. – Алёша, да. Закрыли Алёшу в морозильном помещении, достали с отломившимися культяпками. Ему стало достаточно, хотя вызнать, вот, не.

Субъект 3. – Вы убили его что ли?

Субъект 2. – Да нет, он от болевого шока в кому впал и всё ещё, как бы.. Там. В забытье.

Субъект 3. – Подожди. Причём тут... В местной округе нет морозильных камер, осознаешь? Этот-то не высушится холодом в шкафу. Почему, знаешь?

Субъект 2. – (вопросительный взгляд) [помещений...]

Субъект 3. – Есть такой нюанс. Крупа размер ему. Значимости весомой за ним, как бы...

Субъект 1. – (не понимающий взгляд)

Субъект 3. – Шкаф – не морозильная, драть мать её, эта..

Субъект 1. – Помещение?

Субъект 3. – Да. Он влажнее суточных панталон. Поставь ты посуду с ветчиной на четверть часа в него и кутрапальскому этносу выдай на завтрак, дилемма выбора между подошвой и куриным паштетом жора их не выбьет. Нет, ну о презенте несварения спорить, тут, такое. Дело невидное.

(Первый и второй субъект невкупающе оглядели друг друга, после перекинули этот зрительный настрой на третьего)

Субъект 3. – (под давлением зенок) Ой, пихайт...

«Антон». – Ладно-ладно. Без «пихайте» давайте? Не надо пихать никуда. В конце месяца суд у него в посёлочном отделении. Оттуда начните.

Субъект 3. – Чего начинать, если мы у итогов почти.

Субъект 1. – Почти...

Субъект 3. – Чего?

«Антон». – Отвязывай!

Субъект 3. – Тихо, родной. Лебезить для тебя сейчас (под-

ходит к спинке стула)... А, короче, не могу я с шапкой, щёки липнут (снимает шапку с лица). Лишнее так делать, парень. Не сомневайся.

(стена пространства оснащена портретами давно покинувших свет ученых и ныне ещё дееспособных преподавателей данного учебного заведения; на одном из таких вырисовывается Молочкин)

Субъект 3. – (расстёгивает замки на цепи) Канитель с такого рода активностью, ну... похищением, кому она впрок? Обходилось бы всё разговором. 3 минуты! Как дорогу спросить.

Но вы же принципиальные! Идеалисты. За близких, но объективно уродов, разорветесь, как девственная плевра под напором входа. А в ответ вам что? А-а, догадался. Вижу.

Субъект 2. – Это вы (указывая на портрет)?

Субъект 3. – Он самый. Странно. Ещё висит.

Субъект 2. – (непонимающе взглянул на него)

Субъект 3. – Я покинул преподавательскую сферу года два так назад. Рассказывать о причинах, сами понимаете, не то

место.

Субъект 2. – Быть может, заберете? Все равно, принадлежите вы уже не студентам. Так, для памяти.

Субъект 3. – Наверное, прав ты, школяр, на самом деле, почему бы и не взыскать собственное имущество?

(снимая картину)

Субъект 3.– Бездумность, говорят, зловещий гость. Повсюду встретишь такого в сегодняшнем мире...

(щелчок фотоаппарата)

– [Эк, сука, порвалась]

КОНЕЦ ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯ...

Мол.– Ребята не знают, но звук на записи присутствует. Для подстраховки. Единственный экземпляр.

(вбегают первый и второй работники суда)

Работник первый.– Он не приедет. Убежал дядя.

Мол.– Где он?

Работник второй.— Ну, как видно, не здесь. Осведомишься в дороге.

Мол.— (вытаскивая кассету) От чего спешка?

Работник второй.— Нас разыскивают.

Мол.— Настолько скоро?

Работник первый.— Представь, как-то высмотрели. Не знаю: по ботинкам там, по одежде, может, парень тебя узнал. ДНК-махинации или что-то такое.

Работник второй.— А может, ты, удот, ничего не стёр!

Мол.— Спокойней будь. Всё я как надо сделал.

Работник первый.— Да? А по факту федеральный розыск чресла рвёт на себе, чтобы выцепить нас!

Работник второй.— Хватит, ладно вам. Сейчас время ну никак не подходящее для обкладывания друг друга болтами.

Мол.— Как со сторожем тем?

Работник первый.— Нормально с ним. Товарищ перевоз-

ками хлеба занимается. Едет в Торжок. Укомплектовал его, что на вид там вместе с основным товаром ещё три дюжины ржаных. Есть в городе приятель ещё один, работает в крематории, подсобит нам, как сможет по графику.

(уходят; четверть часа висит тишина)

С.– Бове...

П.– Г-н судья, вы не будете против, если я зачитаю записи потерпевшего? Они адресованы подсудимой.

С.– Какая полсулимая? Люлей нет...

П.– Не сов...

Г-жа Ш.– «Антон»...

П.– ...сем. Ей требуется осведомиться в написанном.

С.– (сползая на кресло)
...фифайле.

Событие пятое.

Цикл

Текстострочильный фетишист в один из временных периодов контркультурного умерщвления выпросил вас опустить в "лёгкий" орган глубже кислорода. Выставленное дальше не позволит об этом просить. Больше нет. По крайней мере, ко-со проглатывать куски фабулы не придётся. Маргинальная конструкция букв сговорит иную мясоформу выйти из большего мясососуа. Протёк масштабных концентраций кожных волн. Крен в опоясывающей кривизне массы хода. По сторонним точкам темперамент стойка. Вводить с пробитием стенок вещи в глубь неподконтрольную и быть утильсырьём, чем выводить дело на вневременной конвейер. Проба личины с ментальным отторжением и плотским аппетитом – качество, сотканной из противоречивых волокон, нервной системы. Присаживаемся на межличностную жажду. Проживает дольше тот, кто набрал наибольшее количество очков абьюзинга. Спадаем с мусорного гормона. Голову в позу кувырка. Страйк – очередной заход в эскапизма сарай. Ещё переворот: ведром мозговой кислоты предписано обливаться непроверенное место.

Аккурат морфинист, за исключением двух переписанных пунктов: роль пушера за оператором черепной коробки, роль мусора за дофамином. Внимание! Число вакансий по специальности "человека" приходит к спаду. Да, чем помочь? Обслужить? Оплата головой не действительна, спасибо. О, солидный выбор. А какой инстаграмный профиль: каждый кусок (выкрашенный кофеинным цветофильтром) счастливого лица выдаёт в индивидуе достойную для поглощения целиком самобытность. Что одарит и вас чем-нибудь полезным по итогу переработки. Чем собираетесь оплачивать: рваной мышцей или купон помешательства со стороны независимой плоти располагается и на вас? Нет? Значит, рваньём. Не забывайте посещать нас и поныне. У нас имеется достаточно товаров к обеспечению в вас необходимой меры праздности. Ваше конкурентоспособное место поддерживает в сохранности потребительское наполнение.

Нет надобности волноваться, за прочими кожными претендентами процесс выжиривания себя. Одни слои за мастурбацию, другие за сериальное бытие, блогерский сор, вещевые скупки, профильное закрепление с прицельной слежкой в профильную скверну.

2%

в разговорной просадке. Больше владеют ни чем. Мы и не

продаём. С широкой периодичностью лезут во рты неизведанного, не переживая за эксплозивность отклика в возможном недопонимании: не переживая за сломанное чужим, в желчном презрении, телом лицо, туловище и его составляющие. Держат себя только так. За надобностью альтернативного удовлетворения. С нырком вовнутрь и полноценным уходом. В цикличности личностного слома своего отторгая

справедливое:

«Потом что?»

Потом проводится акт исключения. "По приезду домой верни музыкальный инструмент". Примечу: нужда не в самом предмете, ни в коем разе. Но в реакции. Какой диапазон ответов подходит более всего? Ответ отказа: «Извини, но нет, действие сделано и менять ничего нельзя». Ответ согласия: «Раз так необходимо, будь, по-твоему». Проблема не в принятии или отторжении ответа, но в форме его подачи.

Что на деле?

В самом деле разыскивался оптимальный способ, по которому уход из связей являл бы собой полноценное завершение, а не временный отрыв. Ни подавление диалога, ни двустороннее лёгкого размаха прощание. К этому нельзя обра-

щаться. Здесь будет орудовать вулканическая почва. Достать из центра нервного покрова живительный токсин, выдаваемый в пограничные случаи и приятельской натуре. Потомок искусственно выращенного мотива натуральной интоксикации, исходящий гарью от наплыва экстравагантной экзистенции. Задача – взболтать вулкан. Цель – покинуть измерение. Прощай. Измерение.

Крутящийся манер безвольного выбора не быть затронутым в системе координат дружообразующего отказа. Она продемонстрирует биологическое свойство обставлять номинативные бранные метки на чужую активность. Как убеждение в мертвой зоне попыток воздействовать. Как ложное в девичьем уме представление о положении конца от её рук, однако, в действительно финал подошёл ещё задолго до того, как было сказано «Я не хочу с тобой больше общаться». Как намеренный вызов её уродства в характеристике бытовых ощущений. Ощущений, следуя которым, обрастаешь статусами ценителя мужского органа и меркантильной собаки. Манипуляция стервозным началом.

Речь о том, что фактор эмоции зачастую проявляется гуще, чем воспринимается её словесный облик. Тривиальное послание извинения может ощущаться дурманящей истомой. На описание колкости в психических структурах, в тоже время, выдаются скупые: «успокойся» и «херню несёшь,

всё нормально». К примеру, с моей стороны никогда не было подачек о новости условного больного с обусловленными летальными болезнями, содержание которых заключалось в: «Обычное дело, плоть заканчивается, человек освобождается от жизни. Он свободен, что тут думать». Притом, что в некоторых трактовках замечание справедливое.

Исключительная акция акцентировалась конкретно на этом аспекте: невозможность воспринять иной субъективизм, усугубление, оценка через правила вне эксплуатации субъектом просьбы. Пример возврата подаренной вещи заведомо неудобен, ведь в большинстве случаев, строится, действительно, на мелочном, денежном фундаменте. Выбор осуществлён из-за последующего предполагаемого выброса брани, в котором как раз таки одна мера норм оценивает другую исключительно по своим собственным выводам, не считаясь с тем, под какими установками и устоями видит своё положение просящий о помощи. «Собственные» не тождественны истинности. Исполнение её inferнального отклика относительно сугубо личностных мер нормального, как свидетельство превалирующей желчи над сопереживанием выполнено с успехом. «Биполярия» извергнула меня в безопасное место.

Случаи «несправедливого реагирования» не особо значительны, но в недавних событиях преподносится, как довер-

шающая частность в чане

круговорота раздражения.

Не было зёрен на предлог к продолжению. Со сменой в стадию романтических отношений. Катастрофа в несвоевременном понимании. Тупиковая фетишизация разрушительной мании. Если стена забита вывесками о ненужности следующей вакансии на место текущей пассивности, никакие заготовки и планы не переломят аргумент. Суждение проверено двухлетней процедурой производства актов. Сегодня реализуется последний. Не в надежде на непредсказуемое стороннее волеизъявление, но как принципиальная необходимость закончить актывый умысел. Программа по перемене прекращает работу на вас.

Предположительно, в дальнейшее время сделано будет... ничего. Возможно. Возможен поиск другого «мира», но пока что ограничимся одним лишь поиском. Подозрения о повторной событийности теперь заплесневелого цикла затормаживают энтузиазм. Прорастание в другом непринятии поныне будут регулироваться. Приемлемо, конечно, пресекать попадание в таковые просторы соседствующих индивидов. Но верность волеизъявлению – не наша преимущество.

Не аутсайдерское.

Поглощающая масса. Ты поступаешь вовнутрь с верой в проявлении потребности к тебе. Предпосылки заключены в ошеломлённо-положительных откликах на неординарную динамичность. Увеличивая процент дозировки моторики спроса, Разрастается домысел о вашей непроявленной сцепке. Сближение не далеко. Выведи правду о зависимости... И. Отказ. Потому, что не внешние роли делают притяжение. Мясной каркас избирает приоритет. Конкуренция проиграна. Ведь заведомо не имела привилегию на работоспособность. Удивительно, правда? И ты же не единственный представитель лиги запаса. Осадок ориентации на дружбу набрасывает на видение иные установки. В этой системе ты не тот самый. Один из множества всех остальных. И в ней подавляются инструментарий двойственного удовлетворения, если женщина отклоняет большинство форм проявления такого рода связки. Больше никаких общих линий. И интересов. Последнее удовольствие в остатке: террор постороннего рассудка...

П.— Г-н судья. Время. Козинаки стынут. Не думайте о зубах, размочу в чае, рассосёте, и пойдёт ровно. Собираемся, вставайте.

Г-жа Ш. – Нет, постойте. Дочитайте.

П.— Дочитывать?

Г-жа Ш. – (обоим) Пожалуйста.

С.— Плололвай.

Какова у этого знакомства протяжённость? Два года, чуть больше...

Из одного раза в другой, отталкиваясь от сомнительных резонов я возвращался в своё персональное стойло. Никаких изменений. Никакого прогресса. Только постарелый мозг с отбитой во вспышке памятью о ещё одной личине в группе миллиарда особей человечества. Секреция соврала. Вязка испрела до части излишнего корня. Мы попадаем друг друга не потому, что это необходимо обоим. Но по причине, что индивид пассивно принимал, как данность своё обстоятельство природного помешательства. И принимает. Биология – не есть одна любовь. А в теле не одна зависимость.

Цикл захлопнут.